

тело, протянул руку, и желтая собака тут же высунула язык, облизав его руку так, что она стала влажной.

— Тетя Чжан, вы пришли.

Тетя Чжан потирала руки, чувствуя себя немного неловко:

— Старый Чэнь, послушай, ты ведь не намного старше меня, а зовешь меня тетей Чжан, мне от этого как-то не по себе.

Мужчина, которого называли старым Чэнем, улыбнулся:

— И что с того? Разве имя — это не просто способ обращения?

В каждом его движении, как ни посмотри, совсем не чувствовалось деревенского мужика, копающегося в земле; от него исходила какая-то особая, присущая только ему отрешенность и невозмутимость.

— Это тот парень, которого ты сосватал? — он кивнул на Линь Цяня. — Парень выглядит ладно.

Здесь так выражались, когда хотели сказать, что у Линь Цяня правильные черты лица и приятная внешность.

Линь Цянь сжал губы:

— Спасибо, дядя Чэнь.

Эти слова прозвучали точь-в-точь как в прошлый раз, и на душе у Линь Цяня от этого стало тепло и привычно.

— Кто-то тебя похвалил, неужели ты так рад?

Чэнь изначально находился в поле зрения Линь Цяня, но тут внезапно появился некий персонаж и загородил весь обзор, из-за чего мужчина невольно нахмурился.

— Что, я по-твоему на редкость безобразен? Оттого, что ты на меня посмотришь, с тебя кусок мяса убудет?

Фэн Цзыси был недоволен. Он был чертовски недоволен. До того как этот старик Небесный Путь запер его, он был самым завидному молодым талантом во всем Чжунчжоу! Хотя на то, чтобы заложить основы, у него ушло двадцать три года — результат не самый выдающийся, — но если учесть, что он заложил фундамент самостоятельно в мире смертных, без чьего-либо наставления, то это делало его истинным гением. Позже, как все и предполагали, не достигнув и тридцати лет, он уже обрел золотое ядро. Обладая выдающейся, прекрасной внешностью, он был учеником достопочтенного Му Цина и к тому же старшим учеником тринадцатого поколения дворца Тяньчи — любое из этих достижений вызывало всеобщую зависть. Так что было вполне естественно, если такой человек страдал легким нарциссизмом.

Бывало, что он отказывался брать в спутницы адептов лишь потому, что находил их недостаточно красивыми, едва не заставив враждовать две крупные секты бессмертных. Он вел себя столь дерзко, а когда пал в Путь Демонов, стал еще более своенравным, его амбиции возросли, и он пустился во все тяжкие.

И вот теперь кто-то уже в который раз пренебрегал им. Фэн Цзыси пришел в ярость.

— Лицо у тебя и вправду хорошее, да только я люблю женщин. Так что не мог бы ты подвинуться? Дядя Чэнь со мной здоровается, — равнодушно произнес Линь Цянь.

Для Фэн Цзыси эти слова прозвучали так, будто у него в горле застрял кусок кровавого мяса.

Но ведь человек был прав! Тот любил женщин, а вовсе не мужчин. Каким бы прекрасным ни было его лицо, неужели это могло заставить его воспылать страстью?

Фэн Цзыси с скрипом сжал зубы: впервые на его пути попался тот, против кого он был бессилен. Прежде все, кто доставлял ему неприятности, кончали плохо, но с Линь Цянем так поступить было нельзя. Во-первых, сейчас он все еще зависел от него, а во-вторых, хотел бы, да возможности не было.

— Хм! — Фэн Цзыси взмахнул рукавом, отлетел в сторону и принялся смотреть на него ледяным взглядом.

— Сяо Цянь, старый Чэнь ведь к тебе обращается, — укоризненно глядя на него, поторопила с ответом тетя Чжан.

— А, я бы с удовольствием пожил прямо здесь. Тетя Чжан, может, вам все-таки лучше спуститься вниз и ночевать внизу? Здесь по вечерам больно холодно. Я молод, тело крепкое, к тому же сплю на бамбуковой кровати, а у вас может заболеть поясница.

Едва Линь Цянь договорил, как Чэнь Ци приподнял бровь:

— Парень, откуда ты знаешь, что я сплю на бамбуковой кровати?

Кхе, проговорился.

Линь Цянь с самым невозмутимым видом указал на бамбуковую рощу позади дома:

— Столько бамбука вокруг, я просто угадал. Жить в горах — это не внизу, не станешь же сюда еще и пружинный матрас тащить, условия тут довольно спартанские.

— Ну ладно, раз у тебя есть такое понимание, — на лице Чэнь Ци промелькнуло одобрение. — Среди молодежи твоего возраста мало кто готов терпеть лишения. Так и быть, тетя Чжан, этот парень останется здесь и будет жить со мной. В конце концов, все необходимое тут есть, немного закалки пойдет ему только на пользу, хуже не будет.

— Ну хорошо, пусть так. Сяо Цянь, заходи, сначала бросим вещи, а потом немного пройдемся, посмотримся.

Трое вошли в дом. Чэнь Ци провел Линь Цяня в одну из комнат и, указав на неубранный угол, виновато произнес:

— Раньше я жил один и никак не ожидал, что кто-то поселится со мной, так что отдельной комнаты для тебя нет. Либо будешь спать со мной, либо придется устроиться здесь на полу.

Место, на которое указал Чэнь Ци, оказалось кладовой. Внутри в беспорядке валялось множество недоделанных деревянных изделий — шкафы, столы и тому подобное, а рядом стояли электропилы и прочие инструменты, создавая слегка загроможденную обстановку.

Линь Цянь и тетя Чжан переглянулись. Линь Цянь смотрел на всё это совершенно спокойно, ведь в прошлой жизни он прожил здесь почти полгода. А вот взгляд тети Чжан был совсем

другим — она принялась отчитывать хозяина взглядом.

— Ты предлагаешь Сяо Цяню жить в таком месте? Старый Чэнь, нельзя же быть таким бессовестным!

Чэнь Ци слегка кашлянул, чувствуя себя неловко:

— Но ведь у меня есть и другой вариант, пусть Сяо Линь сам выберет. Если он захочет жить здесь, я, конечно, все уберу, места здесь вполне хватит, а если нет, то со мной...

— Здесь.

— ...вместе... Что? Ты сказал, будешь жить здесь?

Чэнь Ци сначала удивился, а затем обрадовался и, захлопав в ладоши, воскликнул:

— Тогда я непременно всё как следует тебе обустрою, чтобы тебе было удобно жить!

Черты лица у Чэнь Ци были правильными, а из-за того, что он много лет прожил в горах, от него исходила естественная безмятежная аура. Когда он вот так хлопал в ладоши и улыбался, его лицо выглядело счастливым и чистым, как у ребенка.

— Угу, именно здесь, мне нравится, — с улыбкой кивнул Линь Цянь.

Он-то прекрасно знал, что Чэнь Ци не любит жить с кем-то под одной крышей. У него был довольно нелюдимый характер, в нем определенно жилка отшельника. Раньше, когда он жил с семьей жены, пока была жива сестра тети Чжан, еще куда ни шло — она помогала всё обустраивать. А после ее смерти он, человек бесхитростный и не обращающий внимания на мелочи, то и дело скандалил с соседями из-за всякой бытовой ерунды вроде соли и дров.

В конце концов он просто собрался и перебрался сюда — здесь было привольно, тихо и комфортно. Ладно еще Линь Цянь, но если бы пришлось делить кров с кем-то еще, Линь Цянь подозревал, что дядя Чэнь просто скатал бы матрас и переселился жить в кладовку.

— А этот старик весьма забавен, — Фэн Цзыси полностью прочитал все мысли, роившиеся в голове парня, и произнес соблазняющим тоном: — Почему ты не согласился поселиться в его комнате? Тогда бы спал на нормальной кровати, в конце концов, он бы и сам свернул постель и лег на полу.

По-твоему, я похож на такого человека?

Линь Цянь бросил на Фэн Цзыси взгляд исподлобья. К тому же эта дощатая кровать такая жесткая, будто она сильно лучше голого пола.

— Так ты, оказывается, жесткости боишься, — догадался Фэн Цзыси. — А я-то думал, в тебе проснулась совесть.

Линь Цянь: «.....»

— Оставьте вещи здесь, чуть позже приберем, а я пока покажу вам окрестности.

Участок, арендованный Чэнь Ци, находился на пологом склоне посреди горы. Эта земля была относительно ровной, тогда как участки выше и ниже нее шли крутыми уступами и для земледелия не годились. Однако по сравнению с другими земля Чэнь Ци обошлась ему гораздо

дороже. В то время аренда земель выше и ниже стоила по пятнадцать юаней за му, а из-за обилия камней на склонах цена была еще ниже. Участок же Чэнь Ци отличался ровностью и малым количеством валунов, выглядя со всех сторон привлекательно, поэтому цена поднялась до двадцати пяти юаней за му. Он разом взял в аренду двести му сроком на пятьдесят лет, да к тому же начал это дело несколько лет назад, когда расценки были намного ниже — тогда ему пришлось занимать деньги повсюду, и участок обошелся всего тысяч в сто. За прошедшие годы прибыль от него стала такой, что у окружающих текли слюнки.

Земледелие Чэнь Ци вел с большим умом. Поднимаясь вместе с ним по тропинке, они то и дело видели плодовые деревья, ломившиеся от урожая: личи, лонганы, а чуть выше даже росли мушмулы.

Линь Цянь почти не удивлялся, а вот тетя Чжан, которая заглядывала сюда в последний раз, пожалуй, еще когда гору только взяли в аренду — то есть лет пять-шесть назад, — при виде открывшейся картины раскрыла рот от изумления.

— Старый Чэнь, а фрукты-то у тебя на славу уродились, — тетя Чжан провела рукой по ветви мушмулы, переполненная эмоциями.

Она ведь отлично помнила тот день, когда впервые увидела Чэнь Ци еще до того, как вышла замуж.

Тогда Чэнь Ци выглядел совсем иначе — худой, высохший, на носу старые очки, на голове потрепанная кепка с заплаткой, весь такой жалобный. Сестра привела этого мужчину домой, сказав, что господин Чэнь оказал ей огромную услугу, и потому его пригласили пообедать. На самом же деле сестра просто пожалела этого приезжего городского парня и нарочно придумала какое-то пустяковое дело, чтобы обратиться к нему за помощью и накормить парой сытных обедов.

То была лишь добрая воля ее сестры — кто же мог подумать, что позже он станет ее мужем? А тот замкнутый и застенчивый парень превратился в нынешнего преуспевающего мужчину, на которого все смотрят с завистью.

Как же быстро летит время!

— И то верно, я ухаживал за ними столько времени, можешь попробовать, — Чэнь Ци был худощавым и высоким. Даже перешагнув пятидесятилетний рубеж, он сохранил стройную фигуру. Выпрямившись во весь рост, он оказался ростом с Линь Цяня, а у того было ровно метр восемьдесят.

Чэнь Ци с легкостью сорвал ветку мушмулы и протянул тете Чжан:

— Сяо Чжан, мушмула у меня очень сладкая, каждый раз, как собираю урожай, ее раскупают по предзаказу.

— Вот так просто сорвать и есть? — прожив долгое время в городе и работая домработницей, тетя Чжан все еще сомневалась в таких вещах, привыкнув дома тщательно мыть всё подряд из страха перед пестицидами.

Услышав это, Чэнь Ци расхохотался, сам очистил один плод и сунул в рот, пожевал немного, выплюнул крошечную косточку и с улыбкой посмотрел на тетю Чжан:

— Видишь, я сам ем, и ничего. Никакой химии, растут сами по себе.

— Ой, и правда, косточка совсем крошечная, намного меньше тех, что я покупаю в городе!

— И сладкая ведь, попробуй? Тетя Чжан с сомнением попробовала одну, и лицо ее тут же расплылось в улыбке. Она принялась нахваливать эту мушмулу:

— Хотя сока в ней не столько, сколько в покупной, но она и правда очень вкусная. Кисло-сладкая, мне прямо мало показалось.

Сказав это, она тут же съела еще одну, а о том, мытые они или нет, давно уже забыла.

Она посмотрела на Линь Цяня и отдала ему все оставшиеся ягоды:

— Сяо Цянь, попробуй тоже, они отличные, да еще и бесплатные.

— Впредь можешь есть эти фрукты здесь сколько душа пожелает, денег не нужно, рви в любых количествах.

Чень Ци присел перед ними на корточки, выкопал в земле небольшую ямку и зарыл в нее дюжину косточек.

Тетя Чжан рассмеялась:

— Неужто ты думаешь, что они вырастут и на них снова появится мушмула?

Чень Ци поднялся, отряхивая руки, и мягко ответил:

— А вдруг? Если вырастут — разве не в выигрыше мы останемся? А если нет — ну и ладно.

Всю дорогу до самого конца Линь Цянь нес в левой руке две пригоршни мушмулы, а в правой — три пригоршни лонгана. Тетя Чжан отставала не сильно: у нее были и личи, и персики. К моменту возвращения в хижину оба добыли знатный урожай.

Чень Ци, обрывая лишние листья, раскладывал фрукты по пакетам:

— Всё это потом заберешь с собой вниз. Пусть Сяо Линь раздаст в деревне, чтобы люди привыкли, а завтра поднимайся обратно. Мне как раз нужно будет прибраться в кладовой, а сегодня уже поздно, ночевать здесь негде.

Закончив, он сунул собранный пакет с фруктами в руку Линь Цяню, похлопал его по плечу и сказал:

— Сначала сходи обустройся, купи всё необходимое, а завтра поговорим. Тетя Чжан только что приехала, нельзя же оставлять ее одну.

— Дядя Чень, вы...

Линь Цянь назвал его так привычно. Шло ли столько лет с тех пор, как Чень Ци в последний

раз слышал подобное обращение от кого-либо? Он даже слегка опешил, услышав это:

— Ничего, я человек привычный. Готовлю я средне, так что боюсь, не успеешь ты побыть здесь и пару дней, как снова сбежишь с горы в поисках нормальной еды.

Да как же такое возможно, дядя Чень готовит просто великолепно.

Раньше кулинарные способности Линь Цяня были весьма посредственными, да он никогда толком и не учился. Позже он почти полгода провел рядом с Чень Ци, а дни на горе тянулись томительно и скучно, так что он просто взял и принялся постигать у него поварское искусство.

— Темнеет уже, идите, идите, не то дорога станет совсем плохой, а если тетя Чжан оступится или упадет, я с тебя спрошу, когда вернетесь.

Шутливо пожурив его, Чень Ци вытолкнул Линь Цяня наружу.

Стоял час пополудни, на часах было около шести, небо уже серело. Закатное солнце заливало горный лес своими лучами, и еще через полчаса должна была наступить полная темнота.

Линь Цянь не стал отказываться и охотно согласился:

— Хорошо, тетя Чжан, пойдемте скорее, а то стемнеет — и по крутой горной тропе будет не пройти.

Тетя Чжан приоткрыла рот, словно собираясь что-то сказать, но в конце концов промолчала и послушно последовала за Линь Цянем с горы. Поблагодарив хозяев дома, которые приглядывали за машиной, они проехали еще минут десять и остановились перед красным кирпичным домом родителей тети Чжан.

— Приехали.

Тетя Чжан велела Линь Цяню заглушить мотор, помедлила у ворот и лишь затем шагнула во двор:

— Старший брат, невестка, я вернулась.

Из окна выглянуло лицо лет пяти-шести. Ребенок прижался щекой к металлической сетке так, что она вся перекосилась, озорно уставился на прибывших и заорал во весь голос вглубь дома:

— Мам, тут кто-то пришел!

— Кто это на ночь глядя — ой, да это же Юэфан! Заходите, заходите!

Женщина, выходявшая из дверей, торопливо засучивала рукава. У нее были вытянутое лицо и узкие глаза, волосы наспех скручены в пучок, а поверх одежды надет передник в мелкий цветочек. Заметив у входа тетю Чжан, она сперва нахмурилась, а затем громко окликнула:

— Тот, что сзади — это Сяо Хуэй? Вот ведь паршивец, за восемь лет до неузнаваемости изменился.

— Нет, это помощник старика Ченя.

— Ого, ну заходите, поговорим. Пришла — и словно ветра в поле звала, мы ведь даже на троих ество не готовили.

Пока они разговаривали, со второго этажа соседнего дома, плотно примыкавшего к этому, кто-то выбежал. Опираясь на перила, этот человек крикнул:

— Ой, сестрица Чжан, приехала бы хоть словом обмолвилась! Слава богу, у меня еды припасено вдоволь, идите ужинать ко мне!

Не дожидаясь ответа тети Чжан, она тут же с грохотом сбежала вниз по лестнице.

Лю Фан радостно произнесла:

— Как хорошо, что у Сюэюнь еды с избытком наготовлено, а то пришлось бы голову ломать.

Тетя Чжан с неловкой улыбкой кивнула:

— Ладно уж, пойду поем у Сюэюнь. Сяо Цянь, иди сюда.

Старшая невестка Лю Фан еще долго удерживала тетю Чжан за руку, беседуя с ней, и выпустила только тогда, когда младшая золовка Линь Сюэюнь принялась настойчиво торопить их:

— Завтра утром приходи ко мне завтракать, я сварю побольше, на тебя тоже хватит.

Тетя Чжан пару раз кивнула в ответ, сжала руку Линь Цяня покрепче и перевела дыхание только тогда, когда они добрались до кухни Линь Сюэюнь.

— Тетя Чжан, что с вами? — нахмурился Линь Цянь.

Тетя Чжан отмахнулась:

— Эх, молокосос ты еще, чего нос суешь куда не просят? Ешь давай, проголодался поди.

Линь Сюэюнь достала две чистые пиалы и расставила их на столе. Пока она возилась, тетя Чжан уже успела представить ей Линь Цяня. Будучи по натуре общительной и бойкой, хозяйка дома усадила Линь Цяня прямо посередине лавки:

— Ешь побольше, чтобы сил набраться и ввысь пойти.

— А где остальные домашние?— Его нет дома. Сломалась дрель, он пошёл купить новую. Кто знает, когда вернётся? Не обращай на него внимания, давай поедим.

На столе было немного блюд — в конце концов, они не знали заранее, что придут гости, поэтому обошлись простым набором: одно мясное, одно овощное и суп. Мясным были яйца, жаренные с луком-пореем, овощным — обжаренные стебли водяного шпината, а на первое — суп из зимней дыни с моллюсками. Несмотря на простоту, в еде чувствовался настоящий домашний уют.

Под влиянием событий последних семи лет Линь Цянь во время еды вёл себя очень тихо: он сосредоточенно и быстро ел, низко опустив голову. Когда у остальных в чашках оставалась ещё половина порции, он уже закончил и теперь не спеша попивал суп.

Ужин — лучшее время для того, чтобы взрослые могли поболтать и посплетничать.

— А где же Линь-цзы из семьи невестки, почему его не видно?

Линь Сюэюнь взглянула на дверь и, понизив голос, ответила:

— Линь-цзы уехал развлекаться со своей девушкой.

Это имя...

Рука Линь Цяня, державшая чашку с супом, дрогнула, и несколько капель пролились на стол. Он поспешно встал, взял тряпку и, делая вид, что вытирает стол, наострил уши.

— Ничего страшного, тётушка Линь, я сам справлюсь, вы продолжайте беседу.

— Какой понятливый мальчик, — Линь Сюэюнь одобрительно кивнула, глядя на Линь Цяня, а затем снова склонилась к уху тётушки Чжан и зашептала: — В начале года он нашёл себе девушку в городе, с тех пор и показывается редко. Сама знаешь, Линь-цзы окончил только школу, а тут с трудом нашёл себе пару — и кто, студентку! Да ещё и красавицу. Носится с ней, как с писаной торбой. Ой, ты бы видела: когда он привозил её в прошлый раз, он и стул ей подавал, и воду подносил — ну просто как с божеством обращался.

Тётушка Чжан рассмеялась:

— А его мать согласилась?

— Тетя, ты же знаешь: у них в семье водятся деньги. Девушка привела в дом студента — для семьи это такой престиж, разве ж они будут против? Но, по-моему, если она действительно войдёт в семью, то ссор не избежать.

В прошлой жизни Линь Цянь ничего этого не слышал, потому что тётушка Чжан тогда не приходила, да и отношения с Линь Сюэюнь были прохладными: самое большее, они здоровались кивком при встрече. Теперь же, узнав из её слов столько нового о Линь-цзы и его девушке, Линь Цянь крепче сжал тряпку в руке. В этот раз эта девица взяла отпуск на несколько дней и, говорят, отправилась в другую провинцию, в Ц., горы покорять. Ишь ты, гор кругом видимо-невидимо, чего её понесло именно в чужую провинцию? Разве эти горы золотыми цветами заросли? Чего в них диковинного? — Лин Сюэюнь быстро орудовала палочками для еды, на её лице застыло презрительное выражение. К этому старшему племяннику она относилась без малейшей симпатии: с малых лет заносчивый, возмнивший о себе невесть что, он вечно смотрел на них, взрослых, свысока. Бывало, встретит её — и даже не поздоровается, делает вид, будто в упор не видит.

Нашла себе подружку... Ну и что с того, что студентка? Придёт время, и будет та держать его в ежовых рукавицах, а уж когда начнутся ссоры да скандалы до потолка — вот тогда-то они еще посмотрят, как он заплещет.

Тётушка Чжан разделяла мнение Лин Сюэюнь, обе переглянулись и многозначительно усмехнулись — всё было понятно без лишних слов.

Слушая их болтовню, Линь Цянь замер у окна с тряпкой в руках, погруженный в оцепенение: он никак не мог сообразить, радоваться ему или злиться. В прошлой жизни в эту самую пору он был совсем один и жил прямо в горах. За те недолгие разы, что он спускался вниз, лишь единожды ему довелось увидеть ту самую так называемую девушку Линь Цзы.

Внешне её можно было охарактеризовать лишь как обладательницу правильных черт лица. То ли из-за того, что на лице было слишком много тонального крема, кожа казалась бледноватой, но в целом на твердые семь баллов из десяти девушка тянула, вот только нос задирала выше крыши.

Тогда Линь Цянь просидел в горах несколько месяцев, где из живых существ видел разве что Чэнь Ци да ту здоровенную рыжую собаку. От одиночества он чуть не сходил с ума, и когда, спустившись с горы, увидел девушку примерно его лет, то попытался пошутить пару раз, чтобы хоть немного развеяться.

Кто же знал, что та даже не удосужится ответить? Она лишь холодно фыркнула и посмотрела на Линь Цяня с крайним презрением. Он долгое время пробыл в глуши, отвык от общения с людьми, зарос щетиной — не брился бог знает сколько, одежда помялась. И вот такой тип пристаёт к молодой девушке — в её глазах он выглядел не иначе как нищим неудачником без определенной работы.

Проходя мимо, она даже не взглянула на него и толкнула плечом. Линь Цянь рассердился и протянул руку, чтобы схватить её за рукав. Кто бы мог подумать, что стоило ему лишь коснуться её, как она с размаху отбила его руку.

У неё был сделан маникюр, и острый ноготь нечаянно царапнул Линь Цяня по тыльной стороне ладони, оставив бледный порез.

Линь Цянь помнил всё до мельчайших деталей, потому что тогда потребовал от неё извинений, но эта девица лишь холодно усмехнулась и бросила: Я еще не заявила, что ты ко мне пристаешь! Извиняться? На себя-то в зеркало посмотри, что ты из себя представляешь.

А потом вышел Линь Цзы, наградил его парой презрительных взглядов и, подхватив ту женщину под руку, увёл в дом.

Позже Линь Цянь то и дело вспоминал: с какого же именно момента он подхватил вирус? Когда он находился в уезде Ф., почти каждые три-пять дней на теле появлялась новая царапина, но в большинстве случаев он получал их от веток деревьев. А вот ранений, полученных в результате стычек с людьми или животными, было совсем немного.

<http://bllate.org/book/21387/2180251>